

**Федоров-Давыдов Александр
Александрович**

**Золотые орешки: Рассказы и
сказки А.А. Федорова-
Давыдова**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Александрович Ф.**
Золотые орешки: Рассказы и сказки А.А. Федорова-Давыдова / Федоров-Давыдов Александр Александрович – М.: Книга по Требованию, 2026. – 100 с.

ISBN 978-5-519-78862-5

ISBN 978-5-519-78862-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Околдовала!

I.

Передъ святками, наканунѣ сочельника было студено, и съ утра мела легкая метелица.

Старому бродягѣ, дядѣ-Швырь, было холодно и жутко въ изношенномъ полушубкѣ и въ прорванныхъ валенкахъ... Но ему было не до того. Онъ торопился на пожаръ, гдѣ можно было въ суматоху поживиться чужимъ добромъ. Уже смеркалось, и полнеба было охвачено зловѣщимъ заревомъ.

Жутко было смотрѣть на сѣрое свинцовое небо, озаренное краснымъ отблескомъ пожара... Чѣмъ ближе подходилъ онъ къ пожарищу, тѣмъ больше попадалось ему по пути безтолково бѣгущаго народа.

Въ концѣ улицы, прямо противъ горѣвшаго дома, стояла огромная толпа народа; слыша-

лись крики, вопли. Сверкали въ полусумракѣ, озаренныя пламенемъ, каски пожарныхъ.

Дядя-Швырь протискался черезъ толпу впередъ всѣхъ и стороной обошелъ горѣвшее зданіе...

Домъ этотъ онъ зналъ хорошо, и потому обошелъ заборъ вокругъ дома и шмыгнулъ черезъ калитку во дворъ, а оттуда въ первую попавшуюся дверь. Горѣло во второмъ этажѣ, и дядя-Швырь смѣло взбѣжалъ по лѣстницѣ. Дверь въ какую-то кухню была открыта, и онъ вбѣжалъ туда...

II.

Эка благодать!.. Бери, что хочешь! Никто тебя не остановитъ!..

Дядя-Швырь поспѣшно вбѣжалъ въ комнаты и сталъ хватать въ охапку, что попало—бронзовые часы, подсвѣчники, лампу. Съ цѣлой охапкой вещей онъ бросился вонъ и вдругъ уже изъ кухни услышалъ чей-то крикъ и плачъ...

«Ребенокъ махонькій!..» — подумалъ дядя-Швырь. — «А, да наплевать! Пропадай онъ пропадомъ!..»

Однако, онъ все-таки съ досадой бросилъ вещи на порогъ кухни и поспѣшно вернулся въ комнаты...

Съ громкимъ плачемъ къ нему бросилась

крохотная дѣвочка. Лицо ея было блѣдно, какъ бумага, глаза широко раскрыты... Юбочка ея тѣла позади... Волосы были опалены...

— Ай, ай, ай!..— взвизгнула она и прижалась къ дядѣ-Швырю, вся дрожа отъ ужаса, какъ осиновый листъ...

И онъ сталъ прямо руками неуклюже тушить ея платье, а потомъ молча поднялъ ее могучей рукой и выбѣжалъ въ кухню... Тутъ онъ ее быстро опустилъ на полъ, сорвалъ съ постели одѣяло и сталъ кое-какъ увязывать награбленное добро.

— Пойдемъ, пойдемъ!..—плача, съ ужасомъ кричала дѣвочка.

Это взбѣсило его; онъ топнулъ ногой и рывкнулъ:

— Молчи ты, дрянъ!.. Не то пришибу!..

Увязалъ узелъ. Поднялъ на плечо, потомъ подхватилъ дѣвочку на руки и сталъ поспѣшно спускаться съ лѣстницы...

Дядя-Швырь выбѣжалъ на улицу и опустилъ дѣвочку на землю. «Только бы не задержали!..» — думалъ онъ, оглядываясь по сторонамъ.— «Да вывернусь...»

И онъ смѣло направился къ калиткѣ, — но дѣвочка ухватила за него обѣими ручонками и не пускала его отъ себя!..

Да отстань ты, негодная!.. Чего привязалась!..—зашипѣлъ дядя-Швырь съ досады.

— Не пущу!.. Не пущу я тебя!..—кричала дѣвочка.

Дядя-Швырь замахнулся, было, на нее кулакомъ, но она вдругъ такъ нѣжно и крѣпко прижалась къ его ногамъ, что что-то словно кольнуло его въ сердце. Онъ наклонился и поднялъ ее на руки.

Во дворъ вбѣжали нѣсколько человѣкъ пожарныхъ.

— Кто таковъ?—крикнули они бродягѣ.

— Свой!.. Вотъ барышню изъ огня вынесъ!..— нарочно грубо отвѣтилъ дядя-Швырь. И его оставили въ покоѣ...

— Мама!.. Мама!..—кричала дѣвочка. — Къ мамѣ хочу!.. Мама!..

— Нишкни!.. — зашипѣлъ на нее дядя-Швырь.—А то вотъ пожарному тебя отдамъ, такъ онъ тебя пришибетъ...

И дѣвочка затихла и прижалась къ его плечу, пугливо озираясь по сторонамъ...

«На народъ идти боязно, — подумалъ дядя-Швырь, — сейчасъ сцапають — и въ полицію!..»

И онъ побѣжалъ черезъ пустынный дворъ, гдѣ шла низкая, полуразвалившаяся ограда. Тамъ онъ остановился и сначала перекинулъ

черезъ стѣну узелъ, а потомъ сталъ перелѣзать и самъ.

— Держись крѣпче!.. — проворчалъ онъ на дѣвочку, и та, вся дрожа отъ ужаса и холода, вцѣпилась въ него обѣими ручонками...

III.

Дядя-Швырь посмотрѣлъ на нее, покачалъ головой и молча скинулъ съ себя полшубокъ, окуталъ дѣвочку, и самъ остался въ пиджакѣ: «Ничего, побѣгу!.. Согрѣюсь!.. Да тутъ недалеко ужь!..»

Здѣсь на пустыркѣ были большіе сугробы, и дядя-Швырь шелъ чуть не по поясъ въ снѣгу.

— Ежели спрашивать стануть, — предупредилъ онъ дѣвочку, — сказывай, къ мамѣ идемъ!..

— Хорошо!.. — пролепетала та...

Но никто даже не встрѣтился имъ. Въ глухихъ улицахъ было темно, да и пожаръ собралъ къ себѣ много любопытныхъ, и потому дядя-Швырь храбро двинулся въ путь, съ узломъ подъ мышками и съ дѣвочкой въ рукахъ...

На окраинѣ города, въ глуши, ютился дядя-Швырь въ одномъ изъ тѣхъ домовъ, которые давно обречены на-сломя, да, до поры — до времени, отдаются въ наемъ за гроши бездомному люду. И холодъ, и сырость въ такихъ

домахъ — да все лучше, нежели подъ открытымъ небомъ!.. Дядя-Швырь нанималъ здѣсь «уголъ съ койкой». А всего ихъ жило въ одномъ помѣщеніи семь человѣкъ—все такихъ же бездомовыхъ людей, какъ дядя-Швырь.

Вернувшись домой, дядя-Швырь спокойно прошелъ къ себѣ и посадилъ дѣвочку на деревянный ящикъ, на которомъ онъ спалъ, а вещи старательно сложилъ въ углу и накрылъ весь узелъ разной ветошью, которую снялъ со своей постели.

Дѣвочка, согрѣвшись немного, вдругъ насупилась и горько заплакала...

— Ну, ты цыцъ у меня!..—топнулъ на нее ногой дядя-Швырь.

— Такъ ее, такъ ее!..—сказали кое-кто изъ жильцовъ, столпившись вокругъ койки.—Ишь ты, расфуфырилась какъ!..

Дѣвочка плакала пуще прежняго.. Дядя-Швырь искоса поглядѣлъ на нее. По лицу ея неудержимо струились потоки слезъ, подбородокъ и губенки ея дрожали, глаза были опущены внизъ.

И вдругъ ему стало такъ невыразимо жаль ее, что онъ невольно подошелъ къ ней, сталъ около ящика на колѣни и неловко обхватилъ дѣвочку грубой, черной рукой...

Дѣвочка въ ужасѣ вздрогнула...

— Ну, чего ты... того?—заговорилъ дядя-Швырь, стараясь говорить, насколько возможно, ласково.—Ну, чего ревешь-то?.. А?

— Мама... мама!..—прошептала дѣвочка.

— Что жъ, мама!.. Ладно, и къ мамѣ снесу тебя уже!.. Вотъ дай только срокъ,—обогрѣюсь малость... Ни, не реви!..

И онъ грубой ладонью провелъ по ея мокрымъ щекамъ и осторожно провелъ рукой по волосамъ...

— А какъ звать у тебя маму? — спросилъ онъ.

— Мамой!..

— Нда, братъ!.. Этакъ не сыщешь!.. А гдѣ жъ она была-то давеча?..

— Уѣхала!..—прошептала дѣвочка, и вдругъ заплакала горше прежняго и обѣими ручонками закрыла заплаканное личико...

— Что ты съ ней дѣлать будешь?—вслухъ пробормоталъ дядя-Швырь.

— Что? Эхъ, дура-голова!—сказалъ отставной солдатъ изъ жильцовъ.—Утромъ газетину взялъ,—и все тамъ пропечатано будетъ, и про младенца, стало быть!.. Взялъ да снесъ, и сейчасъ тебѣ—сто цѣлковыхъ въ зубы, а то и тысячу!..

Всѣ даже ахнули вокругъ дяди-Швыря, а тотъ затрясся даже.

— И везетъ же Швырю!.. Скажи на милость!..

— Тоже, кому какое счастье!.. А только по настоящему, — либо пускай онъ со всѣми по дѣлится, либо пусть уходитъ, потому онъ для себя одного уголь снималъ, а тутъ ребенокъ!.. Хозяйка!.. Эй!.. Разбери дѣло-то!..

Дядя - Швырь нахмурился; дядя - Швырь сжалъ кулаки.

— Али креста на васъ, окаянные, нѣтъ? загремѣлъ онъ.—Куды жъ я на морозъ лютый съ младенцемъ пойду?

Прибѣжала хозяйка, стала кричать, браниться и гнать дядю-Швыря.

— Ты бы еще роту солдатъ сюда пригналъ такой-сякой!.. Чай, ты богачъ теперь!.. А я—человѣкъ бѣдный!.. Либо вонъ ступай, либо полтинникъ подавай...

Кое-какъ дѣло уладилось на этомъ, и всѣ разбрелись по разнымъ угламъ, толкуя о такомъ небываломъ происшествіи.

Отъ усталости и пережитыхъ волненій бѣдная дѣвочка скоро заснула тяжелымъ, непробуднымъ сномъ. Но и во снѣ она все всхлипывала и шептала ни въсть что!..

Дядя-Швырь долго смотрѣлъ на нее, потомъ вздохнулъ, увязалъ потуже принесенный узелъ и подсунулъ его подъ койку...

IV.

Рано утромъ, когда дѣвочка еще спала, дядя-Швырь отправился въ ближайшую лавочку посмотрѣть, что такое пропечатано въ газетѣ. Въ полицію онъ идти не хотѣлъ, — еще привяжутся къ нему.

Въ лавочкѣ его ждало такое счастье, что у него и духъ захватило. Было въ газетѣ пропечатано все, — и какой пожаръ былъ и какъ чуть, было, не сгорѣла дѣвочка, а можетъ, и сгорѣла, и какъ мать съ отцомъ умоляютъ «добрыхъ людей» сказать имъ, что случилось съ ихъ дочерью, и тутъ же былъ подробный адресъ и была обѣщана хорошая награда...

Словно солнце засіяло въ груди у дяди-Швыря, и онъ едва могъ перевести духъ отъ волненія...

Лавочникъ отъ зависти даже плюнулъ, а потомъ поздравилъ дядю-Швыря. А приказчикъ и подручные мальчики кричали дядѣ-Швырю: «ура»!..

V.

Какъ на крыльяхъ, летѣлъ дядя-Швырь домой. Ураганомъ ворвался онъ въ ночлежную комнату, бросился къ своей койкѣ и вдругъ омертвѣлъ весь...

Койка была пуста... Дѣвочки, сверкнувшей ему звѣздочкой счастья, не было...

— Хе-хе-хе!..—засмѣялся отставной солдатъ, словно въ отвѣтъ на его мысли. — Опередили тебя, другъ милый!.. Опередили... Что, взялъ?

Дядя-Швырь сжалъ кулаки и съ ревомъ упалъ на свою койку...

VI.

Были сумерки, когда дядя-Швырь, съ уломъ въ рукахъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, подходилъ къ дому, гдѣ, конечно, въ эту минуту царили радость и ликование по поводу спасенной крошки.

«Я такъ прямо и доложу, какъ дѣло было»,— разсуждалъ дядя-Швырь, но въ душѣ все-таки невольно отчего-то содрогался...